

© 2011 г. М.А. Гутиева

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ПРОГРАММАХ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. вопрос о будущем государственном устройстве нашел свое отражение и в программах наиболее крупных и влиятельных политических партий России. По вопросу о государственном устройстве партии почти сразу разделились на две группы: допускающие федеративное устройство России и отстаивающие исключительно унитарный характер страны. Принцип федеративного устройства поддержали, в основном, партии социалистического толка, на унитарных позициях остались преимущественно монархические и буржуазные партии. Впрочем, и партии социалистической ориентации к принципу федерализма подошли не одновременно. Если эсеры (социалисты-революционеры) стали исповедовать этот принцип изначально, то социал-демократы восприняли его далеко не сразу, а некоторые партии, такие как Трудовики (народно-социалистическая партия) и вовсе не поддержали федеративного принципа будущего строения страны. В то же время некоторые буржуазные партии допускали определенную степень самостоятельности регионов. Подобной позиции придерживалась Конституционно-демократическая партия, допускавшая распространение на всю Россию местного самоуправления. «Союз 17 октября», отстаивая союзный принцип государства все же предполагал развитие самоуправления. Более жесткую позицию занимали монархические партии, представляя Российскую Империю только единой и неделимой. Особую позицию в вопросе национально-государственного строительства России занимал Бунд, отстаивая в отношении русских евреев принцип национально-персональной автономии. По данным Первой всеобщей переписи населения на 28 января 1897 г., этническая картина Российской империи была следующей. В составе всего наличного населения (125

640 тыс. человек) великороссы насчитывали 55 668 тыс.; малороссы – 22383 тыс.; татарско-турецкие и монгольские народы – 14 292 тыс.

По мнению С.Ю. Витте: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их языки пр.» [1]. Проекты решения национально-государственных проблем стали отдельными пунктами партийных программ. Однако поскольку точки зрения на национальный вопрос были различны, дискуссии вокруг него практически велись во всех действовавших в России партиях и между ними. Такое внимание, помимо значимости проблемы, объяснялось еще и весьма прагматичными соображениями. Число членов, а также сторонников той или иной партии во многом зависело от того, какую позицию занимала партия в этом вопросе, насколько она учитывала весьма широкий спектр российских особенностей, связанных с национальным вопросом. Национальные партии, а также национальные отделения различных общероссийских партий, представляющие нерусское население, выступали с требованиями самостоятельности различной степени: от культурной автономии до полной независимости. Партии вынуждены были или идти на поводу у своих региональных отделений и потенциальных сподвижников или рисковали потерять опору в национальных регионах и за пределами России.

Анализ позиций по национальному вопросу крупных российских партий и движений, с которыми они вступили в революцию 1917 г., исследование внутрипартийных дискуссий, объясняют мотивы появления тех или иных требований по национальному вопросу в их программах. При ближайшем рассмотрении национального вопроса в российских партиях различной, порой противоположной, направленности обнаруживается удивительное сходство во взглядах на заре своего существования: и Монархическая партия – Союз русского народа, и Партия Народной свободы, и «Союз 17 октября», и Российская социал-демократическая рабочая партия, так же как и появившаяся лишь в 1912 г, Прогрессивная экономическая партия, в первые годы

своего существования выступали против федерации, как формы организации национально-государственных отношений. Но, благодаря разнице в сроках возникновения той или иной партии, в истории России случалось так, что к моменту появления, например, «прогрессистов», большевики успевали претерпеть определенную эволюцию и стать не только активными сторонниками федерации, но и выставить в своей партийной программе требование права наций на самоопределение. В.И. Ленин не сразу пришел к мысли о федерации. В программе большевиков по национальному вопросу уже с 1903 г. присутствует идея областной автономии [2, с. 55]. Однако Февральская революция, приведшая к ускорению движения центробежных сил на национальных окраинах Российской империи, вынудила лидера большевиков отказаться от принципа конфедеративного построения будущего социалистического государства, поставив в повестку дня вопрос о создании федерации [3, с. 54-55]. Необходимо отметить, что в большевистской программе решение национального вопроса являлось частью общего блока проблем, связанных с преобразованием существующего строя. Право территорий на самоопределение, по мнению лидеров большевиков, должно было ускорить социальное расслоение многочисленного нерусского населения. Поэтому предоставление самостоятельности во многих случаях форсировалось центром. Принцип самоуправления предполагал в перспективе создание советских национальных образований, зависимых от одного российского центра.

Завоевания царской власти последовательно отстаивали в своих программах монархические организации. Именно их позиция в отношении федеративного устройства России, была, пожалуй, наиболее жесткой. Известная дворянская организация «Русское собрание» стала идейной предшественницей всех помещичьих монархических партий в России. После первой русской революции она, не став политической партией, оставалась своеобразным идеологическим центром монархистов. В программе «Русского собрания» Россия объявлялась единой и неделимой. Выделение национальных автономий абсолютно исключалось. Национальные вопросы предполагалось решать исходя из степени готовности каждой народности служить России и Русскому народу в достижении общегосударственных задач. Многочисленной монархической партией стал Союз русского народа. Союз подчеркивал в своей программе преимущества русской нации, как собирательницы земли Русской

и устроительницы Русского государства и считал, что только ей принадлежит право государственного строения и управления. Российская империя провозглашалась единой и неделимой. Вместе с тем в программе подчеркивалось, что Союз не только не желает нарушать самобытность населяющих Российскую Империю нерусских народностей и оставляет им неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, но и признает «особую общественность» для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою коренную и определенную племенную оседлость. Вместе с тем, в программе также отмечалось, что Союз считает равными себе те нерусские народности, которые проживали на территории коренной России. В результате раскола Союза русского народа в марте 1908 г. образовался Русский народный союз Михаила Архангела. Продолжая идеи своих предшественников, РНС утверждал, что сила Родины состоит в неделимой целостности Государства Российского. РНС не признавал различий между великороссами, белоруссами, малороссами и червоноруссами.

Особый интерес в области национально-государственного строительства, представляют внутривнутрипартийные дискуссии и программа Партии Народной свободы (кадеты). Оттянув, насколько было возможно, обсуждение национального вопроса, русские либералы, с первой дискуссии так же рассматривали все возможные его решения с позиции единой и неделимой России. Однако их позиция была более умеренной. Оказавшись между двумя несовместимыми требованиями: отстаиванием единства России – с одной стороны, и необходимостью удерживать своих сподвижников по партии и просто сторонников на национальных территориях – с другой, кадеты вынуждены были прибегнуть к тонкой, порой путаной политике оговорок и двойных стандартов. В мае 1905 г. на съезде русских либералов и польских национальных партий, впервые серьезно затронувшем национальный вопрос, под давлением польских делегатов было принято решение, в котором признавалась необходимость автономии Польши. Однако съезд отказался от какой-либо конкретизации требований Польши, укрывшись за универсальной формулировкой: «до времени всесторонней разработки этой проблемы» [4, с. 241]. Но, начало обсуждению национального вопроса, таким образом, было все-таки положено. И либералам ничего не оставалось, как конкретизировать свои позиции по остальным, принципиальным на тот период времени, моментам нацио-

нальной политики. Для этого было принято решение специально рассмотреть национальный вопрос на сентябрьском (1905 г.) земско-городском съезде Союза земцев-конституционалистов, где с докладом «О правах национальностей и децентрализации» выступил ведущий теоретик либералов по национальному вопросу, один из лидеров будущих кадетов – Ф.Ф. Кокошкин. Отстаивая идею сохранения «единой и неделимой» империи, Ф.Ф. Кокошкин самым решительным образом высказался против принципа политического самоопределения наций и федеративного устройства государства, считая его лежащим «вне области практической политики». В представлении автора, это был прямой путь к расчленению «единой и неделимой Российской империи» [5, с. 7]. Что касается автономии, то с различными оговорками допуская ее существование, Кокошкин конкретизировал, что вводиться автономия должна постепенно, с учетом «выяснения потребностей в ней местного населения и естественных границ автономных областей», с изданием «особого имперского указа об образовании той или иной автономной области». «Местная автономия, – подчеркивал Кокошкин, – не нарушает государственного единства, если она устанавливается общегосударственным законом, определяющим ее границы» [5, с. 11]. Пределы автономии и полномочия местного и общеимперского законодательного собрания определялись имперским законом. А законы, принятые местным законодательным органом подлежали утверждению представителем центральной власти.

При таких уточнениях автономная область по сути функционировала в рамках местного самоуправления, на чем Кокошкин неоднократно заострял внимание, заявляя, что «областная автономия и местное самоуправление суть явления одного и того же порядка», и что автономия лишь «высшая ступень развития местного самоуправления». Таким образом, Кокошкин впервые подметил терминологический дубль явлений одного порядка, которые, по сути, мало чем отличались. Единственным исключением для Кокошкина была Польша. Этот исключительный подход, продиктованный политической конъюнктурой, как и следовало ожидать, больше напоминал отступную и при ближайшем рассмотрении мало чем отличался от столь пропагандируемого Кокошкиным местного самоуправления. Сразу после установления «общеимперского демократического представительства с конституционными правами» предполагалось выделить Польшу в «особую автономную единицу с

сеймом, избираемым на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» но, «при условии сохранения государственного единства империи» [6, с. 6-7]. Кроме того, законы, издаваемые сеймом, должны были утверждаться царем. Наместник, находящийся во главе управления Польши, назначался царем. При этом из компетенции сейма исключались: бюджет, внешняя политика, железные дороги, почта, телеграф и телефон. Что касается остальных национальностей, то они, по мнению Кокошкина, должны были ограничиться требованием культурного самоопределения, им предоставлялось право пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, а так же, основание учебных заведений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры. По мнению Кокошкина, это должно было препятствовать сепаратистским устремлениям. «Всякие стеснения в этой области по отношению к народностям, не имеющим сил развивать собственную национальную культуру, лишь замедляют и осложняют естественный мирный процесс слияния их с преобладающими народностями, по отношению же к народностям более развитым и сильным приводят к противоположным своей цели результатам, вызывают с их стороны ожесточенный отпор и сепаратистские стремления» [6, с. 44]. В своем докладе Кокошкин проанализировал основные проблемы, существовавшие на тот момент в рамках национального вопроса, обозначив разумные, по его мнению, способы решения этих проблем. Оставаясь прочно на принципиальных позициях либералов, исследователь смог найти возможности для реального компромисса с оппонентами либералов в этом вопросе – сторонниками большей национальной независимости.

Подтверждением тому могли служить примыкавшие к кадетам в Думе «Латышская конституционно-демократическая партия», «Демократическая партия» Эстонии, «Эстонская свободомыслящая Прогрессивная партия», а также поддерживавшие кадетов «Партия социалистов-федералистов» Грузии, «Еврейская народная Группа» и др. В поддержку ограничения самостоятельности Польши высказывался и другой известный партийный деятель кадетов, П.Б. Струве. «Русским, – писал он, экономически почти нечего делать в Польше. Россия же для Польши ее единственный рынок». Поэтому, «обладание царством Польским есть для России вопрос не национального самосохранения, а политического могущества». В связи с этим, считал Струве, «опираясь на экономическую прикрепленность Польши к России, мы должны

воспользоваться ее принадлежностью к империи для того, чтобы через нее скрепить наши естественные связи со славянством вообще и западным в частности. Польская политика должна служить нашему сближению с Австрией, которая является по преимуществу славянской» [7, с. 87]. Большие перспективы в этом направлении видел и Е.Н. Трубецкой. «Решение польского вопроса, преодоление русско-польского антагонизма, – писал он, вот истинный ключ к обладанию проливами (вероятно, речь идет о приливах Босфор и Дарданеллы) и решению всего вообще ближневосточного вопроса» [7, с. 88]. Но, тем не менее, дальше идеи предоставления Польше автономии, в смысле местного самоуправления, кадеты не шли. Так, излагая позицию кадетов в IV Думе во время обсуждения законопроекта о введении городского положения в Польше один из партийных лидеров кадетов, П.Д. Долгоруков заявил: «Единственное правильное решение польского вопроса – дарование Польше широкой автономии в смысле местного законодательства и предоставлении широкого развития национального самосознания (полная свобода веротерпимости, язык, школа)» [7, с. 88].

Во время первой мировой войны позиция партии в отношении Польши объективно изменилась. Считая к этому времени польский вопрос «скорее тактическим, чем программным», в формулировке П.Д. Долгорукова, выступившего с докладом на заседании Московского Отделения (МО) ЦК в мае 1916 г., кадеты допускали три варианта его решения, полагая, что это зависит от исхода войны. В случае если условия мира будут продиктованы державами австро-германского блока, кадетская партия вообще будет не в состоянии повлиять на решение польского вопроса. На случай же если по результатам войны Россия вместе со своими союзниками будет диктовать условия мира центральным державам и все три части Польши соединятся в самостоятельное государство, имеющее выход к Балтийскому морю, ЦК кадетов должен был заранее разработать и внести от имени России на рассмотрение международного конгресса специальный акт о восстановлении независимости Польши в ее этнографических границах. При третьем исходе: война заканчивается вничью, победителей нет, и Россия сохранит свое влияние только на той части территории, которая входила в ее состав до войны, к желанию поляков «восстановить самостоятельное польское государство, хотя бы в пределах русской Польши, – по мнению Долгорукова, следовало отнестись отрица-

тельно» [8]. Таким образом, позиция кадетов была серьезно подкорректирована. И в польском вопросе они продемонстрировали гибкость и способность адекватно воспринимать существующую действительность. На заседании МО ЦК 8 ноября 1916 года были приняты специальные тезисы по польскому вопросу. В них говорилось, что признание независимости или какого-либо еще проекта устройства Польши несвоевременно. «Независимость Польши означает известное ослабление военного могущества России» и поэтому никто не дает «нам права от имени России соглашаться на такое умаление ее силы» [8]. Кроме того, признание независимости Польши, повлекло бы за собой нападки со стороны правительства, что было недопустимо с учетом того, что к тому моменту партия и была сильна тем, что стояла на позиции охраны государства. Отдельным аргументом против независимости Польши было то, что польский вопрос уже приобрел международный характер и для его решения требовался соответствующий международный акт. Последний тезис кадетов в поддержку своего решения гласил, что каким бы ни оказалось будущее устройство Польши, они не могут представить себе ее «иначе, как соединенной известной связью с Россией» [8]. На первый взгляд, более определенной была позиция кадетов в отношении статуса Финляндии. Соответствующий пункт Программы партии кадетов говорил о том, что Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена¹.

Дальнейшие мероприятия, общие Империи и Великого Княжества Финляндского должны быть впредь делом соглашения между законодательным органом Империи и Великого княжества». Однако и по отношению к этому вопросу в позиции кадетов так же возникают неясности. Несмотря на то, что многочисленные издания Программы партии воспроизводят этот пункт дословно, при изучении партийных документов кадетов в Государственном Архиве Российской Федерации обнаружить пункт Программы кадетов, выражающий какое-либо отношение к ситуации в Финляндии, не удалось. Позиция кадетов по Финляндии, согласно архивным документам, изложена в рукописном варианте проекта Программы партии (он дословно и воспроизводится изданиями), а так же в появившейся до Программы – Платформе партии ка-

¹ Присоединенная Александром I в результате Русско-шведской войны 1808-1809 года Финляндия существовала в России на правах автономии и имела собственную Конституцию до отмены ее Николаем II.

детов. Любопытно, что в Платформе позиция в отношении Финляндии выглядит значительно менее категорично: «Конституция Финляндии должна быть восстановлена и дальнейшие мероприятия общие Империи и Великого княжества Финляндии должны приниматься по соглашению между законодательными органами Империи и Великого княжества Финляндского» [9]. Непонятно как появившийся в Программе кадетов пункт, провозглашавший абсолютную самостоятельность Финляндии, позволяет предположить, что внутри партии шла, серьезная борьба вокруг этого вопроса. Дальнейшие шаги кадетов косвенно подтверждают подобное предположение. Политическая ситуация в стране складывалась так, что долго оставлять открытым финляндский вопрос, ставший картой, разыгрываемой между партиями и Правительством, просто не представлялось возможным.

Финские либералы и социал-демократы начинали проявлять нетерпение. 21 октября 1909 г. при ЦК партии была создана комиссия по финляндскому вопросу. В нее вошли П.Н. Милуков, А.Н. Шингарев, Д.Д. Протопопов, В.Д. Набоков и В.М. Гессен. А в ноябре 1909 г. кадеты собрались на специальную партконференцию по финляндскому вопросу. На ней Милуков внес на рассмотрение две резолюции, принятые съездом. В первой была сформулирована идея «параллельного законодательства», согласно которому «проект законодательного акта, перечисляющий общие для империи и Великого Княжества законы и устанавливающий порядок их законодательного разрешения, был предложен на решение не одних только русских законодательных учреждений, но и финляндского сейма, в установленном сеймовым уставом порядке» [10]. Вторая резолюция была декларативна и говорила о том, что «изменение существующих отношений между Россией и Финляндией должно быть произведено с соблюдением законодательных прав финляндского сейма» [10]. Кроме того, по решению конференции создавалась новая комиссия по финляндскому вопросу во главе с Ф.Ф. Кокоскиным. Что касается конкретных, практических действий, то после безрезультатной попытки в III Думе повлиять на принятие решения по Финляндии, путем внесения поправок в правительственный законопроект в мае 1910 г., кадеты фактически прекратили какие-либо действия в поддержку самостоятельности Финляндии.

30 декабря 1911 г. на заседании ЦК кадетской партии в ответ на просьбу присутствовавших на заседании депутатов финляндского сейма Неовиса и

Нуортена поддержать «всеми мерами грядущее финское сопротивление», председательствующий Н.А. Гредескул высказался против любых форм борьбы и объяснил финнам, что во время приближающихся выборов в IV Думу «нельзя активно агитировать за автономию финнов, ибо даже русские радикальные группы не чужды волне национализма, прокатившейся по России, а подобная ситуация может отвратить от к.-д. Пусть лучше дела текут старым руслом. После новых выборов будут найдены и новые меры борьбы» [11]. По сравнению с позициями по Польскому и Финляндскому вопросу, в отношении которых допускалось пусть теоретическое, но исключение, не удивительно, что в отношении остальных регионов позиция кадетов была гораздо более жесткой. Так, например, правое крыло кадетов, во главе со Струве, считало украинский вопрос «вредной интеллектуальной выдумкой» [7, с. 57]. Кадеты в целом категорически отрицали требования украинских либералов не только в отношении федерации, но и в отношении автономии. В феврале 1914 г. на переговорах с украинскими кадетами Милюков напомнил коллегам что «партия кадетов, не только отрицает возможность федерации в близком будущем, но и будет бороться против самого принципа федерации, как утопического» [7, с. 58].

Подобная жесткая позиция, по-видимому, и послужила основой для будущего конфликта между кадетами и украинской Радой. Когда украинские кадеты, в результате этого напоминания, стали настаивать на переговорах с ЦК кадетской партии, Милюков, согласившись на подобную встречу, предупредил, что если украинцы будут «настаивать на своих широких требованиях, то от них придется отгораживаться» [12] и видел предмет переговоров только в будущих законопроектах «о языке в начальной и средней школе, и в суде, и о кафедрах украиноведения в южных университетах» [12]. Далее, на пленарном заседании ЦК 17 марта 1914 г., Милюков, разъясняя свою позицию, заявил, что «он не может признавать за всеми народностями, населяющими Россию, права на автономию и что автономия может быть признана только тогда, когда она выходит из коренных потребностей нации» [7, с. 59]. Исходя из этого, украинцам может быть предоставлено «только право культурно-национального самоопределения и исполнение очередных задач: свободу языка в школе и суде, устройство кафедр и т.д.» [7, с. 59]. Национальный вопрос вскоре вновь оказался в центре внимания кадетов. Очевидно, надвигающаяся

опасность Первой мировой войны вынуждала четко определиться в этой области. Произошло это на партийной конференции, посвященной национальному вопросу. На ней 23 марта 1914 г. с резкой критикой в отношении «права на политическое самоопределение» наций выступил Кокошкин. Аргументируя свою позицию он высказал опасение, что подобная формула «могла быть растянута до союза суверенных государств включительно». Помимо этого политическое самоопределение, по его мнению, не могло быть признано для всех национальностей «еще и потому, что многие национальности перепутаны на одной территории. Это вопрос огромной сложности. Возбуждение национального вопроса по такой формуле сопряжено было бы с большими опасностями» [13]. Закрывая этот вопрос на партконференции, Милюков заявил что, «достижение национальностями даже тех прав, которые указаны в 24 параграфе программы к.-д., прав на культурное самоопределение, – является задачей на многие годы. И если хотят дела, а не деклараций, пусть не перегружают нас широкими требованиями и не отягчают наше положение, чтобы не было снова крушений» [14, с. 5].

В последующих обсуждениях украинского вопроса кадеты подтверждали свою жесткую позицию, не допуская никаких уступок. Похожих позиций придерживались кадеты и в отношении Армянского, а так же литовского вопроса. В период с 1914 по 1917 гг. при ЦК партии Конституционных демократов действовали комиссии по еврейскому, украинскому, польскому, армянскому и литовскому вопросам. Начавшаяся первая мировая война ужесточила позицию кадетов, твердо вставших на позиции унитаризма. «Сохранить нашу страну единой и неразделенной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами» [14] – такой видели свою задачу кадеты на этом этапе. Программа «Союза 17 октября» в национальном вопросе выглядела предельно просто. Первая же глава, открывающая программу октябристов называлась: «Сохранение единства и нераздельности Российского государства». Она говорила о том, что «положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера» [2, с. 342]. Что касается способов достижения этих целей, то Программа октябристов этого не разъяс-

няла. Не расшифровывалось октябристами и следующее положение этой главы, предписывающее «противодействовать всяким предположениям, направленным прямо или косвенно к расчленению империи и к замене единого государства государством союзным или союзом государств».

Позиции, зафиксированные в 7-ом и 9-ом пунктах Резолюции съезда Прогрессивной партии России 11-13 ноября 1912 г., дипломатично смещали акценты в национальном вопросе, предполагая сохранение Империи фактом, очевидно, само собой разумеющимся. Прогрессисты видели свои задачи в устранении «посягательств на национальные особенности, культурную самобытность, родной язык и религию входящих в состав Империи народностей» [2, с. 371]. А также отстаивали «Независимость городского и земского самоуправления от административной опеки, расширение их компетенции, бессловность земского представительства, создание мелкой земской организации и расширение круга избирателей» [2, с. 372]. Согласно партийным документам складывается впечатление, что партии социалистической ориентации в гораздо меньшей степени представляли себе решение национального вопроса. Одной из наиболее четких в этом вопросе, пожалуй, оказалась позиция партии трудовиков, – Народно-социалистической партии. Устройство государства провозглашалось унитарным, но пункт 6 этой главы говорил, что «население каждой области, например Польши, Кавказа, Балтийского края, Сибири и иных может, если пожелает, ввести автономию, т.е. областное самоуправление» [2, с. 212]. После захвата власти в стране большевиками, дискуссии по национальному вопросу перестали иметь значение. Чрезвычайно важное значение имел тот факт, что в 1917-1918 гг. большевики признали целесообразность федеративного устройства Российской советской республики, а «Декларация прав народов России» провозгласила право наций на самоопределение. Таким образом, большевики, не будучи достаточно влиятельной и многочисленной партией, сумели использовать в своих целях стремления народов бывшей Российской Империи к широкой автономии, и удержать власть в своих руках.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 460. Л. 5.
2. Программы Политических партий и организаций России конца XIX-XX века. Ростов-н/Д, 1992.
3. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.
4. Булат В. Польский вопрос в борьбе русских политических лагерей осенью 1905 года // СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность. М, 1977. Т. 1.
5. Кокошкин Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.
6. О правах национальностей и децентрализации (Доклад бюро съезду земских и городских деятелей. 12-15 сентября 1905 г. и постановления съезда). М., 1906.
7. Либеральная модель переустройства России / Редкол. Шелохаев В.В. и др. М., 1996.
8. РГАСПИ. Ф. 225. Папка 5. Д. 20. Л. 5 об.
9. ГАРФ. Ф. 523. оп.1. Д. 38. Л. 32.
10. ГАРФ. Ф. 523. Оп.2. Д. 8. Л. 81-82, 87-87.
11. ГАРФ. Ф. 102. 1910. Оп. 240. Д. 27. Л. 56. Об.
12. ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 112-113 об.
13. ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 16. Л. 11 об.
14. Милюков П. Тактика фракций народной свободы во время войны. Пятигорск, 1916.

*Горский государственный
аграрный университет*

5 апреля 2011 г.